

СТРУКТУРАЦИЯ СМЫСЛА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

Когнитивная лингвистика, структурализм, герменевтика, семиотика текста – науки, в отличие от традиционной языковедческой классики (линейный масштаб зрения), по-новому расставили акценты в исследованиях дискурсивных форм. Уже ставший нарицательным вопрос о дискурсе (научном, религиозном, политическом, художественном, философском, постмодернистском, авторском) вызывает немало толков и суждений в исследовательской среде, но так и не закрыт окончательно (П. Анри, Ж. Гийому, Т. ван Дейк, Д. Мальдидье, М. Пешё, П. Серио) [Гийому 2002: 124–137].

Анализ коммуникативных единиц требует ракурсного видения. Языковой факт, принятый за точку отсчета, вслед за Ф. де Соссюром, Э. Сепиром, Л. Ельмслевым, да и другими теоретиками, дифференцирован на собственно языковое оформление (*langue*) и речевую подачу (*parole*) [Сепир 2002: 224]. Базисной в указанной позиции оказывается коммуникативная среда, формируемая совмещением указанных граней: автор (отправитель месседжа) соотносится с фигурой получателя (рецептивная сторона), сферой же наибольшего взаимодействия (контакта) становится дискурсивная, текстовая практика (вариант, парадигма) с характерными приметами иерархии (деиерархии), зависимости от ситуации «диалога», формами (приемами) реализации указанного процесса. Именно такой дискурсивный «оборот» можно анализировать как фактурно сложившееся целое, наделенное смыслом, и, одновременно с этим, имеющее координационную квази-точку, условное ядро со спектром вариаций преломления рецептивного пути.

С этих позиций актуально говорить и о тексте художественном (статика формы – *перспектива смысла*), который и написан (создан волей автора), и может быть воспроизведен (прочитан, усвоен реципиентом). Следует учесть, что художественный дискурс и дискурс собственно языковой отличаются в первую очередь тем, что последний существеннее очерчен либо бытийно формализован. Об этом говорит то, что языковая среда (минус явление образности) не дает буквально расширить границы смысла слова/фразы, ибо будет потерян основной (ведущий) план воспроизведения (понимания). Утратив связь с «реальностью», наличный языковой дискурс потеряет, по определению, свое первичное предназначение – передавать информацию.

Принципиально иначе обстоит дело с дискурсом художественным, в котором буквальная значимость языка очевидна, но не первостепенна. В нем говорит особый слой – воплощение *внутренней формы*, ее реализация в модели контакта: «автор – текст – читатель». Данная модель позволяет как воспринять текст, так и его «оживить», дать возможность целостного (дальнейшего) движения в литературном процессе. Соответственно, составляющей парадигмальной коммуникации в дискурсе языковом является не предполагаемая ситуация перспективного диалога (автор – читатель), но «непосредственный» контакт конструкций (текст – текст, знак – знак), и наоборот – дискурс художественный, помимо связи «текст – текст», расширяет мыслимое поле до «текст – сфера культуры – реципиент», в котором и «автор», и «читатель» являются значимыми доминантами смысловой реализации языка.

Текстовый анализ в постмодернистском понимании, сближаясь с интерпретативными процедурами, ориентирован на изучение готового знака (произведения) и процессов его порождения. Наиболее адекватным для текстового анализа является движение по наличной структуре организованного языка. В практике постмодернизма язык определяется игровым характером знаков и представлений; подвижностью связей между оз-

начающим и означаемым; возникновением новых, контекстных значений; раскрытием смысловой структуры произведения в культурное поле.

Структуралисты и постструктуралисты, занимаясь изучением поэтики постмодернистских литературных произведений, в первую очередь, обращают внимание на функционирование в них языкового материала. Р. Барт считал, что «текст размещается в языке, существует только в дискурсе... ощущается только в процессе работы, производства» [Барт 1994: 415]. А.-Ж. Греймас и Ж. Курте интерпретируют *дискурс* «как семиотический процесс, реализующийся в различных видах “дискурсивных практик”» [Ильин 1996: 45], то есть речь идет о специфических правилах организации речевой деятельности.

В трудах исследователей язык понимается своеобразной мерой всех вещей, он представляется не только особенностью постмодернистского текста, но и характеризуется своеобразным способом мышления, а связное мышление человека отождествляется с инвариантом письменного текста. Языковое высказывание подменяет собой саму реальность («вне текста нет ничего»). Поэтому вся человеческая культура становится определенной суммой текстов, то есть *интертекстом*; сознание видится как текст, бессознательное как текст, «Я» как текст – текст, который можно прочесть по соответствующим правилам грамматики, специфичным, разумеется, но построенным по аналогии с грамматикой естественного языка [Ильин 1998: 186]. В результате исследований картина мира стала восприниматься как текст, дискурс. Под *дискурсом* мы будем понимать текст, находящийся в процессе своего создания и развития, *текст в действии*.

Заслугой структуралистов является использование методов структурной лингвистики на более широком материале культуры. Объектами научного анализа становятся социальные организации и духовные структуры первобытных племен (К. Леви-Стросс), внутренний мир человека с глубинами бессознательного и неосознанного его психосоматической структуры (Ж. Лакан), собственная культурная традиция (Р. Барт). Изучая механизмы действия языка, структуралисты закладывают и формируют фундаментальные принципы его функционирования в искусстве постмодерна.

Структура для постмодернистов играет главную роль. Но для них это не метафизический абсолют, а сцепление исходных условий. Некое письмо, понимаемое как непосредственно текущее высказывание и воспринимаемое как процесс творения. Данное явление (письмо) включает в себя всякое знаковое выражение. Знак для структурализма является ключевым понятием, включающим означаемое и означающее. Выделяя в структуре знака *означающее* и *означаемое*, Ф. де Соссюр отмечал, что связь, соединяющая их, произвольна, подвижна. Означающее «произвольно по отношению к данному означаемому, с которым у него нет в действительности никакой естественной связи» [Соссюр 1977: 101]. Совокупность знаков во времени и пространстве и образует текст, который может быть соотнесен с дискурсом. Дискурсивная формация совмещает в себе и акт коммуникации, и некую группу сигналов для дешифровки.

В практике постмодернизма наблюдается тенденция к имитации дискурсивного процесса (например, форма потока сознания). Множественность приемов создания текста может быть мотивирована первостепенными эстетическими задачами, которые ставит перед собой автор. Текст ориентирован на многократное воспроизведение/прочтение. Следовательно, он является не накопителем информации, а ее транслятором или генератором смыслов.

Вопрос о любом первичном начале текста Р. Барт, Ю. Кристева, Ж. Деррида ставят под сомнение. По Барту, один текст нельзя считать неким началом другого текста: «всякие поиски «источников» и «влияний» соответствуют мифу о филиации произведений, текст же образуется из анонимных, неуловимых и вместе с тем уже читанных цитат – из цитат без кавычек» [Барт 1994: 418]. Жак Деррида также деконструирует начало текста/произведения, доказывая, что никакого начала нет и не было. Им ставится вопрос о це-

лесообразности поиска всевозможных начал – первичного истока; любое письмо всегда уже есть список с ранее появившегося письма, которое в свою очередь также есть список, транскрипция. *След* у Дерриды отсылает к абсолютному прошлому, поэтому «письмо не в большей мере может начаться, чем книга – кончиться...» [Деррида 2007: 22].

Письмо это не исходное понятие или форма, а функция, это временное становление языка, его новых, контекстных значений. Следует уточнить, контекст как внетекстовая реальность есть система метасмыслов, актуальных для дискурсанта. Контекст есть принадлежность субъекта дискурса, он по определению субъективен, находится в постоянном процессе становления и развития. Контекст не может рассматриваться как явление застывшее, раз и навсегда созданное приложение к тексту. Он (контекст) есть важнейшая составляющая внетекстовых структур. С каждым новым включением текста в текст мировой культуры происходит генерация новых смыслов, на основе которых корректируются старые значения-представления или происходит их замена на новые.

Основная черта литературы XX века – интертекстуальная игра – вносит в текст элемент дискурсивности. Интертекстуальность это феномен взаимодействия текста с семиотической культурной средой в качестве интериоризации внешнего. Как отмечает Х.-Г. Гадамер, «все сказанное обладает истиной не просто в себе самой, но указывает на уже и еще не сказанное... И только когда несказанное совмещается со сказанным, все высказывание становится понятным» [Постмодернизм 2001: 333]. Одним из свойств интертекстуальности является то, что она способствует созданию двойственности знака, то есть он одновременно «принадлежит и новому тексту, и ранее созданному» [Арнольд 1999: 376].

Понятие интертекстуальности стало общеупотребительным для текстологической теории постмодернизма, допускающей, что взаимодействие текста со знаковым фоном выступает в качестве фундаментального условия смыслообразования. По оценке Ролана Барта, «основу текста составляет... его выход в другие тексты, другие коды, другие знаки» [Барт 1994: 428], текст – как в процессе письма, так и в процессе чтения – «есть воплощение множества других текстов, бесконечных или, точнее, утраченных (утративших следы собственного происхождения) кодов» [Барт 1994: 428]. Смысл возникает в результате связывания между собой семантических векторов, выводящих в широкий культурный контекст, выступающий по отношению к любому тексту как внешняя семиотическая среда. Это дает основание для оценки постмодернистского стиля мышления как «цитатного мышления», а постмодернистских текстов как «цитатной литературы» (Б. Мориссетт) [Постмодернизм 2001: 333].

Теоретики проводят мысль о том, что мир как таковой (реальный) не может быть познан и представлен в литературе. Ведь вся реальность попадает в систему языка, но приемы создания языкового пространства не дают ответ к осознанию принципов конструирования дискурсов о мире-реальности, подменяющем саму реальность. Позиция постструктуралистов, редуцирующих сознание человека до письменного текста и рассматривающих как текст (или интертекст) литературу, культуру, общество и историю, обуславливала их постоянную критику суверенной субъективности личности и порождала многочисленные концепции о «смерти субъекта», через которого «говорит язык» (М. Фуко), «смерти автора» (Р. Барт), а в конечном счете, и «смерти читателя» с его «текстом-сознанием», растворенным во всеобщем интертексте культурной традиции [Ильин 1998: 21].

Дискурсивная практика предполагает множество уровней – формальный, языковой, смысловой, текстовый. Каждый слой структуры зависит от группы правил, по которым необходимо создавать и читать произведение. Читатель вместе с автором оказывается в ситуации письма/чтения. Именно ее можно определять как *трансдискурсивную* позицию, она подводит к моменту, в котором совмещаются пути следования к содержанию, к самой сути текста, его глубинам. В этом положении важным становится не столько сам центр, сколько движение чтения, дискурсивность текста, что оформляет достаточное количество поводов для размышлений.

Литература

- Арнольд И. В.* Семантика. Стилистика. Интертекстуальность / Науч. ред. П. Е. Бухаркин. – СПб, 1999.
- Барт Р.* Избранные работы: Семиотика. Поэтика: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. – М., 1994.
- Безруков А. Н.* Рецепция художественного текста: функциональный подход. – СПб, 2015.
- Гийому Ж., Мальдидье Д.* О новых приемах интерпретации, или проблема смысла с точки зрения анализа дискурса // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса : Пер. с фр. и португ. / Общ. ред. и вступ. ст. П. Серио; предисл. Ю. С. Степанова. – М., 2002. – С. 124–137.
- Деррида Ж.* Позиции. – М., 2007.
- Ильин И. П.* Дискурс // Современное зарубежное литературоведение (страны Западной Европы и США): концепции, школы, термины. Энциклопедический справочник. – М., 1996. – С. 45.
- Ильин И. П.* Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. – М., 1998.
- Постмодернизм: энциклопедия / Сост. А. А. Грицанов, М. А. Можейко. – Минск, 2001.
- Сепир Э.* Язык // Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М., 2002. – С. 223–248.
- Соссюр Ф.* Труды по языкознанию. – М., 1977.
- Яусс Х.-Р.* Средневековая литература и теория жанров // Теория литературы. История русского и зарубежного литературоведения: хрестоматия / сост. Н. П. Хрящева. – М., 2011. – С. 308–316.